

Середнев Владимир Анатольевич

ПРИЗНАНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ НЕДОПУСТИМЫМИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

Статья посвящена анализу допустимости доказательств в уголовном процессе России. В первой части статьи проведен анализ понятия "доказательства", рассмотрены общие условия допустимости доказательств, определены критерии допустимости доказательств, указано на необходимость закрепления требований всесторонности, полноты и объективности установления обстоятельств совершенного преступления не в качестве элемента единого для всех субъектов принципа оценки доказательств по внутреннему убеждению, а в качестве общего условия предварительного расследования. Во второй части статьи определены критерии признания доказательств недопустимыми, среди которых главным является нарушение конституционных прав граждан.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/5-1/37.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 5 (19): в 2-х ч. Ч. I. С. 162-168. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. Берг Н. В. Мои скитания по белу свету. М.: Россия молодая, 1999.
2. Дневники Императора Николая II / общ. ред. и предисл. К. Ф. Шацилло. М., 1992.
3. Елисеев А. В. По белу свету: очерки и картины из путешествия по трем частям старого света А. В. Елисеева: в 4-х т. Изд-е 2-е. СПб.: Сайкин, 1898-1903.
4. Елисеев А. В. Путь к Синаю в 1881 году // Православный Палестинский сборник. М.: Изд-во ППО, 1883. Вып. 1. Т. 2.
5. Жемчужников Л. И. Мои воспоминания из прошлого. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2009.
6. Коптев А. Воспоминания о поездке в Константинополь, Каир и Иерусалим в 1887 году. СПб.: Тип. Стасюлевича, 1888.
7. Краснов А. Н. Из колыбели цивилизации: письма из кругосветного путешествия. СПб., 1898.
8. Крымский А. Е. Письма из Ливана: 1896-1898. М., 1975.
9. Марков Е. Л. Путешествие на Восток: в 2-х т. СПб., 1890-1891.
10. Переписка Императора Александра II с Великим Князем Константином Николаевичем: дневник Великого Князя Константина Николаевича. М., 1994.
11. Сипягин В. И. Путешествие Великого Князя Николая Николаевича по Турции, Сирии, Палестине и Египту в 1872 году. СПб., 1873.
12. Скалон Д. А. Путешествие по Востоку и Святой Земле в свите Великого Князя Николая Николаевича в 1872 году. Изд-е 2-е. СПб., 1892.
13. Смышляев Д. Д. Из путевых заметок пермяка // Записки для чтения: учебно-литературное прибавление к «Биржевым ведомостям». СПб., 1866. Кн. 2.
14. Фонд рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 218. Оп. 23.
15. Фонд рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 219. Оп. 97.

**SOURCES OF ARAB EAST AND MUSLIMS IMAGE STUDY PROBLEM IN RUSSIA:
THE SECOND HALF OF THE XIXTH – THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY****Mariya Aleksandrovna Semenova***Department of Russian History
Peoples' Friendship University of Russia in Moscow
semenova-maria85@yandex.ru*

The author presents the overview of the personal origin sources of the second half of the XIXth – the beginning of the XXth century telling about Muslims, Islam and the whole lifestyle of Arab East peoples, shows that via these sources the image of distant Arab East was formed in Russia, the image fettered by numerous prejudices and superstitions, and substantiates that the study of the travel literature of that period allows to determine the major changes on the way of prejudice overcoming in Muslims and Arab East image.

Key words and phrases: Islam; Muslims; Arab East; travelers; idea; sources; recollections; essays; notes; description; image.

УДК 34

Статья посвящена анализу допустимости доказательств в уголовном процессе России. В первой части статьи проведен анализ понятия «доказательства», рассмотрены общие условия допустимости доказательств, определены критерии допустимости доказательств, указано на необходимость закрепления требований всесторонности, полноты и объективности установления обстоятельств совершенного преступления не в качестве элемента единого для всех субъектов принципа оценки доказательств по внутреннему убеждению, а в качестве общего условия предварительного расследования. Во второй части статьи определены критерии признания доказательств недопустимыми, среди которых главным является нарушение конституционных прав граждан.

Ключевые слова и фразы: доказательство; допустимость; судопроизводство; форма; обстоятельства; конституция; сведения; источник; собирание, проверка и оценка доказательств; знание; суждение; всесторонность; полнота; объективность; оперативно-розыскная деятельность.

Владимир Анатольевич Среднев*Кафедра уголовного процесса и криминалистики
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
naganov1910@mail.ru***ПРИЗНАНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ НЕДОПУСТИМЫМИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ©****Понятие «доказательства» и общие условия их допустимости**

Суть доказательства по уголовному делу заключается в том, что им служат сведения (знания, представления о чем-либо) [11, с. 698], непосредственно полученные в предусмотренной законом форме от материального объекта, отразившего признаки прошлого события.

Доказательство нельзя просто собрать как данность, исходя из прямого назначения слова «собрать». Доказательство – это всегда процесс рассуждений, суждений и умозаключений, путем которых выводится какое-либо положение, т.е. подтверждается что-либо. Доказательство – это не протоколы следственных действий, на которые так любят ссылаться судьи в выносимых приговорах (например, вина «А» в совершении преступления подтверждается протоколом допроса свидетеля «Б»; том 2, лист уголовного дела 61 и т.д.). Сам протокол – это простой лист бумаги, а доказательства – это сведения, содержащиеся в данных протоколах, которые устанавливают определенные обстоятельства согласно силлогическим правилам. В протоколах содержатся чьи-то мысли, рассуждения, умозаключения. Нужно сказать о том, что умение находить выводы для доказательства относится к способности суждения, что есть самое трудное в доказывании, так как любое суждение и знание субъективно. «Назначение процессуального закона – препятствовать подмене объективного знания субъективной уверенностью, которая склонна к абсурду. Единственное средство проверки субъективной уверенности в целях преодоления заложенного в ней абсурда – логика. Хотя сама по себе логика не есть объективное знание, а лишь стремится к нему. Но субъективная уверенность есть догадка, предположение, гипотеза, суждение чувства. *Большинство процессуальных решений основывается на субъективной уверенности, а не на объективном знании. Субъективная уверенность властного лица лишь стремится придать убедительную форму его утверждению*» [2, с. 276]. Само доказывание по уголовному делу должно строиться на правилах общей логики (**обратите внимание: процессуальные законы незначительны по объему именно по этой причине**).

Суть обстоятельств (обстановка, явление) [11, с. 436] по делу, подлежащих доказыванию, в соответствии со ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, как указывает А. А. Давлетов, состоит в том, что ими выступает знание о прошлых или настоящих, но происходящих вне места нахождения следователя, дознавателя, прокурора, суда явлениях, вещах, процессах действительности, имеющих значение по уголовному делу и исследуемых при помощи доказательств. Главный критерий обстоятельства – опосредованность его установления, тот особый способ, которым познаются прошлые или отдаленные от познающего настоящие события, явления действительности... [6, с. 17]. Любая практическая деятельность человека, познавательная в том числе, должна рассматриваться как направление субъекта познания на объект познания, а также средства и способы, которые используются субъектом при исследовании объекта. В философии объект определяется как «то, что противостоит субъекту, на что направлена его предметно-практическая и познавательная деятельность» [15, с. 123]. Что касается уголовного процесса, познавательный интерес субъекта познания всегда определяется задачами уголовного процесса, направлен на множество явлений и вещей. Центральное место занимает преступление. Всякое сведение о событии преступления должно представлять собой единство содержания и формы. Его содержание – сведения об обстоятельствах, входящих в предмет доказывания (ч. 1 ст. 73 УПК РФ). Форма – это источник сведений об этих обстоятельствах (ч. 2 ст. 74 УПК РФ).

Пленум Верховного Суда РФ разъясняет, что доказательства должны признаваться полученными с нарушением закона, если при их собирании и закреплении были нарушены гарантированные Конституцией РФ права человека и гражданина или установленный уголовно-процессуальным законодательством порядок их собирания и закрепления, а также если собирание и закрепление доказательств осуществлены ненадлежащим субъектом или органом либо в результате действий, не предусмотренных процессуальными нормами [10].

Думается, верно определение недопустимости доказательств, отмеченное Л. Д. Калинкиной: «К недопустимости доказательств должны приводить нарушения требований уголовно-процессуальных норм относительно субъекта, оснований, условий, гарантированных законом прав участников уголовного судопроизводства и порядка производства и процессуального оформления результатов следственных действий, которые привели к недоверности доказательственной информации или поставили под неустрашимое сомнение достоверность» [8, с. 82].

Под нарушениями уголовно-процессуального закона понимаются отступления государственных органов и должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу, а также других субъектов процесса и лиц, не являющихся субъектами уголовно-процессуальной деятельности, от предписаний (требований) уголовно-процессуальных норм. Думается, что допущенные нарушения уголовно-процессуального закона при производстве следственного действия должны оцениваться именно с учетом их характера, тяжести и влияния на достоверность доказательственной информации, которая получена, проверена или оценена с помощью следственных действий. Только лишь существенные допущения нарушения уголовно-процессуального закона должны повлечь за собой серьезные правовые последствия, такие как признание доказательств недопустимыми. Думается, что в случае если возможность по собиранию, проверке и оценке доказательственной информации с помощью тех же следственных действий не утрачена, то их можно повторить в законном режиме в целях устранения ранее допущенных в ходе их производства нарушений уголовно-процессуального закона.

Нужно указать, что к признанию доказательств недопустимыми ведут не ошибки, как иногда указано в процессуальной литературе, а именно нарушения уголовно-процессуального закона при собирании, проверке и оценке доказательств (ч. 3 ст. 7; ст. 381 УПК РФ). Разница между ошибкой и нарушением состоит в следующем: ошибка – неправильность в мыслях [11, с. 486], нарушение – невыполнение, несоблюдение чего-либо [Там же, с. 390]. Ошибка есть результат ослабленной способности суждения, незнание основ и правил логики. «Итак, в любом виде деятельности невозможно избежать ошибок и заблуждений. Не является исключением и деятельность по рассмотрению уголовных дел, в процессе которой суды первой инстанции допускают ошибки не только при установлении фактических обстоятельств дела, но и при применении тех или иных норм материального или процессуального закона. Между тем проверка законности, обоснованности и справедливости судебных решений вышестоящими судебными инстанциями осуществляется не только с целью выявления ошибок, допущенных при рассмотрении и разрешении дела, но и для

принятия соответствующих мер по их устранению, в том числе посредством предоставленных вышестоящим судам полномочий по пересмотру судебных решений. Выявление и устранение ошибок, допущенных в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства в судах первой или второй инстанции, направлены не только на восстановление нарушенных прав лиц, участвующих в процессе, но и на устранение нарушений норм, определяющих процессуальную форму судопроизводства» [16, с. 24-25]. На самом деле упрощенный подход к пониманию нарушений закона при собирании, проверке и оценке доказательств демонстрирует и Верховный Суд РФ. Так, в постановлении Пленума № 28 от 23 декабря 2008 г. «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в судах апелляционной инстанции» указывается: «В соответствии с положениями ч. 2 ст. 360 УПК РФ во взаимосвязи с положениями ст. 6 УПК РФ суды апелляционной и кассационной инстанций вправе выйти за пределы апелляционных (кассационных) жалобы или представления и проверить производство по уголовному делу в полном объеме, если этим не будет допущено ухудшение положения осужденного, оправданного, лица, уголовное дело в отношении которого прекращено, поскольку неисправление судебной ошибки искажало бы саму суть правосудия и смысл приговора как акта правосудия» (<http://lawyer-law.ru/PPVS28.html>).

Под существенным нарушением уголовно-процессуального закона следует понимать нарушение, выражающееся в отступлении государственных органов и должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу, а также участников процесса от требований уголовно-процессуальных норм, которое путем лишения или стеснения гарантированных законом прав участников процесса либо иным способом помешало всесторонне расследовать или рассматривать дело и повлекло либо могло повлечь постановление незаконного и необоснованного уголовно-процессуального решения. Итак, существенные нарушения уголовно-процессуального закона всегда влекут отмену приговора или другого уголовно-процессуального акта. «Назначение этой специфической уголовно-процессуальной санкции “состоит в ликвидации отрицательных последствий, в защите права, интереса”, “восстановлении прежнего состояния”, но этим ее содержание не исчерпывается. Она служит одновременно правосстановительной и штрафной мерой, так как несет в себе определенные правоограничения в отношении нарушителя. А это уже свойство штрафных санкций. Правоограничения при отмене приговора по указанной причине выражаются в том, что дело направляется на новое рассмотрение в суд, постановивший приговор, но в ином составе либо в другой суд. Отмена незаконного уголовно-процессуального акта в связи с существенным нарушением означает аннулирование приговора или иного уголовно-процессуального решения. Эта санкция “недействительности” сводится, по существу, к отказу считать правомерными наступившие последствия определенного действия» [7, с. 52-53].

Далее необходимо указать, что «анализ судебной практики свидетельствует, что назрела необходимость ее унификации в части разрешения вопросов признания доказательств недопустимыми. Нельзя признать допустимой практику признания доказательства по идентичным нарушениям закона в одном случае допустимым, а в другом недопустимым доказательством» [1, с. 16].

Несущественные нарушения уголовно-процессуального закона – это такие нарушения субъектами уголовного процесса предписаний уголовно-процессуальных норм, которые не могут повлечь существенные негативные для уголовного дела последствия: односторонность и неполноту исследования обстоятельств дела и вынесение незаконного, необоснованного и несправедливого приговора или другого уголовно-процессуального решения. Нужно сказать, что правовые последствия несущественных нарушений уголовно-процессуального закона различны по своей природе. Дело в том, что уголовно-процессуальные нарушения допускают не только органы судопроизводства (следователь, дознаватель, прокурор, суд). Правовые последствия могут быть и при отступлении от уголовно-процессуального закона участников процесса (в форме привода, удаления из зала судебного заседания и др.).

В рамках данной статьи, думается, необходимо особо указать на всесторонность, полноту и объективность исследования обстоятельств дела. Сущность этого принципа уголовного процесса в свое время была выражена в ст. 20 УПК РСФСР и состояла в том, что «суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, обязаны принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявить как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также смягчающие и отягчающие его ответственность обстоятельства» (<http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=34685>). В настоящем УПК РФ аналогичная норма отсутствует. Представляется, не следует забывать о том, что смешанная (публично-состязательная) форма уголовного процесса, предусмотренная действующим УПК РФ, как бы ни трактовал состязательность в своих постановлениях Конституционный Суд РФ, не создает и не должна создавать в силу системной разности целей сторон реального фактического равенства процессуальных функций обвинения и защиты. По справедливому мнению А. В. Смирнова, формирование в досудебном производстве режима формально-юридического равенства не меняет ситуацию и не превращает предварительное расследование в состязательную форму уголовного процесса [14, с. 146]. Поэтому именно на досудебных стадиях уголовного процесса принцип всесторонности, полноты и объективности установления обстоятельств дела в сочетании с целями ведомственной деятельности, предусмотренными законодательством о прокуратуре, органах ФСБ и других правоохранительных органах, направленных на охрану прав личности, в конечном счете способен при наличии соответствующих критериев оценки и пересмотра процессуальных решений обеспечить законность уголовного преследования и правоприменительной практики в целом [9, с. 117]. Думается, что в настоящее время необходимо закрепить требование всесторонности, полноты и объективности установления обстоятельств совершенного преступления **не** в качестве элемента единого для всех субъектов принципа оценки доказательств по внутреннему убеждению, а *в качестве общего условия предварительного расследования*, где правовые положения,

основывающиеся на принципах уголовного судопроизводства, характеризуют сущность и содержание предварительного расследования. Совокупность данных условий формулирует наиболее существенные требования, определяющие порядок предварительного расследования по всем, без изъятий, уголовным делам.

Указанные нормы, представляется, не могут быть сформулированы в виде единого правового положения в Общей части УПК РФ. Например, в виде принципа, так как всесторонность, полнота и объективность исследования обстоятельств уголовного дела – требование, адресованное исключительно государственной обвинительной власти, а принципы – основополагающие начала всего уголовного судопроизводства [4, с. 179-192; 5, с. 34]

Таким образом, данное предложение по совершенствованию действующего УПК РФ позволит обеспечить и качество правосудия, и защиту прав потерпевших и не приведет суд к несвойственной ему ответственности за неполноту, односторонность и необъективность приговора.

В результате анализа процессуальной литературы, думается необходимо выделить следующие критерии допустимости доказательств:

5) соблюдение гарантированных Конституцией РФ прав человека и гражданина при собирании доказательств;

6) получение доказательств уполномоченным на то должностным органом или субъектом;

7) получение доказательств только из предусмотренных законом источников;

8) получение доказательств с использованием только указанных в законе процессуальных действий;

9) соблюдение надлежащего порядка проведения и оформления (фиксации) процессуальных действий.

Нарушение норм УПК РФ – основание для признания доказательств недопустимыми

Статья 75 УПК РФ устанавливает, что недопустимыми являются доказательства, полученные с нарушением требований УПК РФ. При этом уголовно-процессуальный закон не определяет признаки нарушений этого закона, позволяющие их оценивать в качестве основания недопустимости доказательств. «Отсутствие в законе условий для оценки того или иного нарушения уголовно-процессуального закона в качестве основания для недопустимости доказательств на практике приводит к тому, что данный институт применяется редко. В случаях применения его норм в решениях о признании доказательств недопустимыми не указывается, почему то или иное нарушение норм УПК РФ привело к юридической ничтожности доказательства» [1, с. 35]. К недопустимости доказательств должны приводить нарушения гарантированных законом прав и свобод участников уголовного судопроизводства при собирании доказательственной информации. Представляется, что в любом случае нарушения конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства в УПК РФ должны дополнить собой перечень безусловно недопустимых доказательств, предусмотренных ч. 2 ст. 75 УПК РФ.

Необходимо рассмотреть в данной связи п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ и указать на следующее: норма, закрепленная в п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, является «запредельным» выражением заботы о комфорте подозреваемого, обвиняемого, противоречит здравому смыслу и превосходит конституционную идею о недопустимости доказательств. Данная норма нарушает равноправие сторон в уголовном процессе как необходимый элемент состязательного процесса. Норма, содержащаяся в п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ противоречит предписанному этим же кодексом правилу, что никакие доказательства не имеют для суда заранее установленной силы. Законодатель вопреки провозглашенному им же самим правилу оценки доказательств установил, что показания подозреваемого и обвиняемого, данные в отсутствие защитника, должны признаваться недопустимыми доказательствами. Законодатель в данном случае не позволяет суду свободно и самостоятельно проверить и оценить показания подозреваемого и обвиняемого, а сразу требует, основываясь только на одном факте отсутствия на допросе защитника, признать эти показания недопустимыми доказательствами. При анализе п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ выявляется несоответствие его требований принципам: «Свобода оценки доказательств» (ч. 1, 2 ст. 17 УПК РФ), «Назначение уголовного судопроизводства» (ч. 1, 2 ст. 6 УПК РФ). Правило, предусмотренное в данном пункте, императивно предписывает «изъятие» доказательства из процесса доказывания, что исключает возможность его оценки по внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью. Рассматривая данную норму, начинает казаться, что УПК РФ устанавливает наряду с обязательным участием защитника институт его принудительного (для подозреваемого, обвиняемого) участия. Правила о недопустимости доказательств, установленные в ст. 75 УПК РФ, это есть не что иное, как публичное выражение недоверия следователям, дознавателям, прокурорам и судьям.

Если опираться на понятия оснований признания доказательств недопустимыми при условии, когда установлен факт нарушения любого предписания закона относительно источника сведений, условий, способов их получения и фиксации неправомочным на то субъектом, с нарушением конституционных прав граждан, а также нарушением процессуальной нормы, *то первым основанием признания доказательств недопустимыми должно являться нарушение конституционных прав граждан.*

Надо сказать, что представленный законодателем в ч. 2 ст. 74 УПК РФ исчерпывающий перечень источников доказательств (и тем более ограничение следственных и иных процессуальных действий, какие допускаются в качестве средств для собирания доказательств) не только излишен, но и вреден. Кстати, с позиции элементарной логики наличие в ч. 2 ст. 74 УПК РФ исчерпывающего перечня дозволенных к применению источников доказательств противоречит ч. 1 той же статьи, где указано «Доказательствами по уголовному делу являются *любые сведения*...». В этой связи хотелось бы привести высказывания Б. Г. Розовского: «Фиксация в законе перечня процессуальных источников доказательств берет свое начало в инквизиционном процессе с его формальной теорией доказательств... В считающемся ныне цивилизованном праве этого нет, но ослиные уши инквизиции торчат в тех нормах УПК, которые сохраняют взятый (с небольшим вариациями) из Средневековья и эпохи Ренессанса принцип фиксации неприкасаемого перечня источников доказательств, то есть их

материальных носителей. Провозгласив право и обязанность следствия и суда оценивать доказательства по внутреннему убеждению... законодатель фактически выхолостил этот принцип, сохранив в современном процессе рудименты процесса инквизиционного, и этот атавизм почему-то благосклонно воспринят официальной наукой» [13, с. 152]. В конце своей работы Б. Г. Розовский провозглашает: «исчерпывающий перечень источников доказательств – абсурд» [Там же, с. 158]. Думается, что на самом деле его наличие в Кодексе отнюдь не способствует познанию действительности и принятию решений в реальном уголовном судопроизводстве.

Общая причина, по которой доказательства должны быть признаны недопустимыми, – это их получение ненадлежащим субъектом. Во-первых, субъектом, наделенным правом на производство следственных действий, является должностное лицо, указанное в ч. 1 ст. 86 УПК РФ. Как видим, среди субъектов, уполномоченных на проведение следственных действий, в ч. 2 и 3 указаны лица, имеющие право собирать и предоставлять для уголовного дела необходимые сведения не процессуальными действиями. Таким образом, в ч. 2 и 3 ст. 86 указаны (в УПК РФ!) «кто угодно», только не субъекты оперативно-розыскной деятельности (далее ОРД), которые непосредственно занимаются борьбой с преступностью. Думается, что установить критерии допустимости информации, полученной вне уголовного процесса, в ходе ОРД, которая предоставлена следователю и принята им в соответствии со ст. 86 УПК РФ, возможно путем процессуальных действий (например, оперативную информацию перепроверить путем допроса как минимум трех источников, если информация подтверждается, считать ее достоверной на данный период). Также общим признаком для всех субъектов, имеющих право проводить процессуальные действия, является *отсутствие оснований для отвода* (ст. 64-71 УПК РФ).

Следующим основанием признания доказательств недопустимыми является нарушение условий, способов получения и фиксации доказательств. Доказательства, полученные путем проведения следственных действий, не предусмотренных законом, должны признаваться недопустимыми. Процессуальная форма строго формальна, порядок проведения каждого следственного действия регламентирован в УПК РФ, в целях обеспечения достоверности полученных данных и гарантии прав участников процесса. Соответственно, получение доказательств путем действий, не предусмотренных в законе, порождает неустранимые сомнения в их достоверности и нарушает права участников процесса. И в этой связи следует указать на то, что процессуальное законодательство нормативно жестко не закрепляет требования к формам собирания такого рода доказательств, как иные документы. Нужно обратить внимание, что к иным документам не относятся, например, заключение эксперта, протоколы следственных и судебных действий и др., т.е. не относятся доказательства, полученные процессуальным путем. «Предметы и документы вводятся в уголовный процесс при определенном преобразовании доказательственной информации, но с сохранением своей изначальной формы, между тем как любая другая информация, содержащаяся в следах событий, в ходе следственного действия всегда полностью преобразуется, принимает иную форму (образы памяти, «предметная» информация преобразуется в описание). Не случайно закон говорит о представлении обвиняемым и другими неофициальными субъектами процесса именно предметов и документов (п. 2 ч. 2 ст. 86, 286 УПК РФ)» [17, с. 116].

Результаты ОРД представляют собой собрание разнообразных оперативно-служебных документов: рапорты, справки, акты, справки-меморандумы и др., которые отражают преступную деятельность и, в сущности, являются *формой* закрепления информации.

Критерием признания доказательств недопустимыми являются такие нарушения требований норм УПК РФ, которые путем лишения или стеснения гарантированных законом прав участников процесса при рассмотрении дела или иным путем помешали суду всесторонне разобрать дело и повлияли (или могли повлиять) на установление законного и обоснованного приговора [1, с. 38]. Такими нарушениями закона, которые влекут за собой отмену приговора, согласно ч. 2 ст. 381 УПК РФ являются:

- 1) прекращение судом уголовного дела при наличии к этому оснований, предусмотренных ст. 254 УПК РФ;
- 2) вынесение приговора незаконным составом суда или вынесение вердикта незаконным составом коллегии присяжных заседателей;
- 3) рассмотрение уголовного дела в отсутствие подсудимого, когда по закону его присутствие обязательно;
- 4) рассмотрение уголовного дела без защитника, когда по закону его присутствие обязательно;
- 5) нарушение права подсудимого пользоваться языком, которым он владеет, и помощью переводчика;
- 6) непредставление подсудимому права участия в прениях сторон;
- 7) непредставление подсудимому последнего слова;
- 8) нарушение тайны совещания коллегии присяжных заседателей при вынесении вердикта или тайны совещания судей при постановлении приговора;
- 9) обоснование приговора доказательствами, признанными судом недопустимыми;
- 10) отсутствие подписи судьи или одного из судей, если уголовное дело рассматривалось судом коллегиально, на соответствующем судебном решении;
- 11) отсутствие в уголовном деле протокола судебного заседания.

Думается, что нельзя признавать доказательства недопустимыми в случаях, когда допустимые нарушения могут быть устранены (например, в суде может быть допрошен понятой, присутствовавший при обыске).

Только после принятия необходимых мер по устранению допущенных нарушений уголовно-процессуального закона суд может обсудить вопрос о признании или непризнании доказательств недопустимыми.

Основания признания доказательств недопустимыми должны соответствовать следующим критериям:

- 1) сведения о достоверности доказательства нельзя восполнить;
- 2) нельзя повторить следственное действие;

- 3) допущенные нарушения могут повлиять на вынесение законного и обоснованного приговора;
- 4) нарушены конституционные права граждан.

Нужно отметить, что кроме ст. 75 УПК РФ к числу норм института недопустимости доказательств в уголовном процессе в УПК РФ отнесены ст. 88 УПК РФ «Правила оценки доказательств» (о принципах оценки доказательств), ст. 234, 235 УПК РФ о возможности исключения доказательств в ходе предварительного слушания, ст. 271 УПК РФ о праве сторон на заявление ходатайства об исключении доказательств в судебном разбирательстве.

В ч. 1 ст. 88 УПК РФ указано: «Каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а *все собранные доказательства в совокупности* – достаточности для решения уголовного дела». В этой связи, думается, нужно указать на следующее: «...фраза “все доказательства оцениваются в совокупности” используется в процессуальных документах. Однако не удалось обнаружить в судебной практике за многие и многие десятилетия разъяснения о том, какие логические операции подразумеваются под оценкой всех доказательств в совокупности. Изучение судебных актов позволило выделить две формы использования этого правила. В одних случаях эта фраза не имела никакого назначения и записывалась как ритуальное изречение. Это правило не находилось ни в какой связи с судебным доказыванием. Однако в других случаях использование этого правила приобретало смысл нового, самостоятельного, главного или основного доказательства. Например, из приговора видно, что собрано и проверено девять доказательств, каждое из которых доказывает какое-то обстоятельство. Но далее следует, что, оценив эти девять доказательств в совокупности, суд считает, что эта совокупность доказывает еще и другое обстоятельство. Таким образом, девять доказательств порождают новое, десятое доказательство. Всего стало доказательств десять. Было девять доказательств, которые состояли из трех вещей, трех документов и показаний трёх свидетелей. А умозаключение из этих девяти доказательств становится десятым доказательством. По сути, этим умозаключением из “совокупности доказательств” можно обосновать все и вся» [2, с. 272]. И тем не менее, думается, нужно добавить, что как бы совокупность ни плюсовалась и выводилась путем умозаключения, совокупность *в основе* своей будет всегда величиной *качественной*, а не количественной.

«С процессуальной точки зрения нелогично говорить, что есть доказательства относимые или неотносимые. Если доказательство не относится к подлежащим доказыванию обстоятельствам, то это не доказательство, а нечто иное, неизвестное. Сведений, информации в мире бесконечное множество, и это множество может доказать множество обстоятельств. Но если множество ничего не доказывает по расследуемому уголовному делу, то оно не является доказательством по уголовному делу вообще. Сведение, которое не имеет отношения к судебному процессу, не доказательство. Сведение, которое кладут в доказывание какого-то необходимого обстоятельства, является процессуальным доказательством. Предписание, что доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, является *остроумно-глупым*. Ибо по смыслу этого предписания сначала надо получить доказательство, то есть произвести силлогические операции в отношении какого-то сведения и сделать вывод, что посредством этого сведения как раз доказывается необходимое обстоятельство. Доказательство продемонстрировано, сделан вывод, а после демонстрации доказательства нужно еще раз подвергнуть это же самое доказательство повторному силлогическому анализу, но уже чтобы установить, а не относится ли это “доказанное” доказательство к уголовному делу. Если при доказывании сделан неправильный вывод, то положенное в основу доказывания сведение не является доказательством изначально. Такое сведение сразу должно быть отброшено, нелепо признавать его вначале “доказательством”, а потом исключать из “доказательств” по причине неотносимости» [Там же, с. 268]. В отличие от свойства допустимости, которое разъясняется в ст. 75 УПК РФ, относимость не определяется в законе. В уголовно-процессуальном законе данное свойство доказательств упомянуто только один раз – в связи с перечислением критериев оценки доказательств (ст. 88 УПК РФ). Относимость, по сути дела, это базовое качество рационального познания. Н. Н. Полянский указывал: «Относимость к делу доказательства в этом смысле определяет их допустимость» [12, с. 31].

При доказывании используются любые сведения, способные помочь в разрешении уголовного дела. И поэтому, наверное, самым трудным являются вопросы о том, какие это могут быть сведения. Как отмечал А. Я. Вышинский, ответа на эти вопросы в законе найти нельзя. Это и естественно на самом деле, потому что таких правил найти нельзя, таких правил на все случаи жизни нет и быть не может. А случаи эти исключительно разнообразны и нередко неповторяемы, о чем свидетельствуют многочисленные факты из судебной практики [3, с. 235].

Список литературы

1. **Васяев А. А.** Признание доказательств недопустимыми в ходе судебного следствия в суде первой инстанции в российском уголовном процессе: монография. М.: Волтерс Клувер, 2010.
2. **Воробьев А. В., Еньков А. Л., Силков П. Ю., Тихонравов Ю. В.** «Дело Юкоса» как зеркало русской адвокатуры: комплексное исследование в защиту российской адвокатуры и правосудия. М., 2008.
3. **Вышинский А. Я.** Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1950.
4. **Гриненко А. В.** Система принципов и цель производства по уголовному делу // Правоведение. 2000. № 6. С. 179-192.
5. **Громов Н. А., Николайченко В. В.** Принципы уголовного процесса, их понятие и система // Государство и право. 1997. № 7.
6. **Давлетов А. А.** Основы уголовно-процессуального познания. Свердловск, 1991.
7. **Калинкина Л. Д.** Нарушения уголовно-процессуального закона и их правовые последствия. Саранск, 1993.
8. **Калинкина Л. Д.** Нарушения уголовно-процессуального закона и их правовые последствия по УПК РФ // Проблемные вопросы применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: мат. науч.-практ. конф. / Морд. гос. ун-т им. Н. П. Огарева; Мордов. гуманит. ин-т; Прокуратура РМ и др.; под ред. В. Т. Томина, Л. Д. Калинкиной. Саранск, 2002.

9. Лазарева В. А. Судебная власть и ее реализация в уголовном процессе. Самара, 1999.
10. **О некоторых вопросах применения судами Конституции РФ при осуществлении правосудия** [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 8 от 31 октября 1995 г. Доступ из справ.-правов. системы «Гарант».
11. Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70 000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. Изд-е 23-е, испр. М., 1991.
12. Полянский Н. Н. Доказательства в иностранном уголовном процессе. М., 1946.
13. Розовский Б. Г. Ненаучные заметки о некоторых научных проблемах уголовного процесса: эссе. Луганск: РИО ЛАВД, 2004.
14. Смирнов А. В. Реформы уголовной юстиции конца XX века и дискурсивная состязательность // Журнал российского права. 2001. № 12.
15. **Философская энциклопедия**: в 5-ти т. / глав. ред. Ф. В. Константинов. М., 1967. Т. 4.
16. Червоткин А. С. Апелляция и кассация: пособие для судей. М., 2010.
17. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма, 2009.

EVIDENCE RECOGNITION AS INADMISSIBLE IN CRIMINAL PROCESS OF RUSSIA

Vladimir Anatol'evich Sereednev

Department of Criminal Process and Criminalistics
Nizhnii Novgorod State University named after N. I. Lobachevskii
naganov1910@mail.ru

The author analyzes evidence admissibility in the criminal process of Russia, in the first part of the article conducts the analysis of the notion "evidence", considers general conditions of evidence admissibility, determines evidence admissibility criteria, shows the necessity to consolidate the requirements of the comprehensiveness, completeness and objectivity of crime circumstances establishment not as the element common for all the subjects of evidence evaluation principle for inner conviction, but as the general condition of preliminary investigation; and in the second part determines the criteria of evidence recognition as inadmissible, the major among which is citizens' constitutional rights violation.

Key words and phrases: evidence; admissibility; court procedure; form; circumstances; constitution; information; source; collection, validation and evaluation of evidence; knowledge; judgment; comprehensiveness; completeness; objectivity; operational-investigative activity.

УДК 327.5

В статье рассматриваются причины возникновения конфликтных ситуаций в ходе проведения президентских выборов, сущность избирательного процесса и итоги президентских выборов в Демократической Республике Конго (ДРК). Предлагаемый анализ позволяет расширить представление о становлении демократических процессов в Африке и проследить тенденции развития современного африканского общества. В отличие от известных исследований по данной тематике, внимание автора сфокусировано на первых выборах ДРК за всю историю конголезской независимости, организованных самими конголезцами, рельефно отражена их национальная специфика.

Ключевые слова и фразы: Демократическая Республика Конго; президент Жозеф Кабила Кабанге; конголезцы; президентские выборы; партии; оппозиция; борьба за власть; вооруженные столкновения; международное сообщество.

Галина Михайловна Сидорова, к.и.н.

Центр научной информации и международных связей
Институт Африки
Российская академия наук
gal-sid@mail.ru

ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА КОНГО: ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ В УСЛОВИЯХ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА©

28 ноября 2011 года в Демократической Республике Конго (ДРК) состоялись парламентские и президентские выборы. Вместе с ними завершился первый этап трехступенчатых национальных выборов, рассчитанных на два года (2011-2013). По оценкам национального избиркома и международных наблюдателей, они «прошли относительно хорошо» [3, р. 2]. Позитивно оценил проведение выборов Совет Безопасности ООН, который призвал кандидатов к сдержанности в ожидании окончательных результатов, подчеркнул необходимость мирного решения спорных вопросов. Президент Жозеф Кабила Кабанге был переизбран на очередной пятилетний срок. Результаты парламентских выборов, в силу проблем технического и логистического характера, обнаружены пока лишь частично.